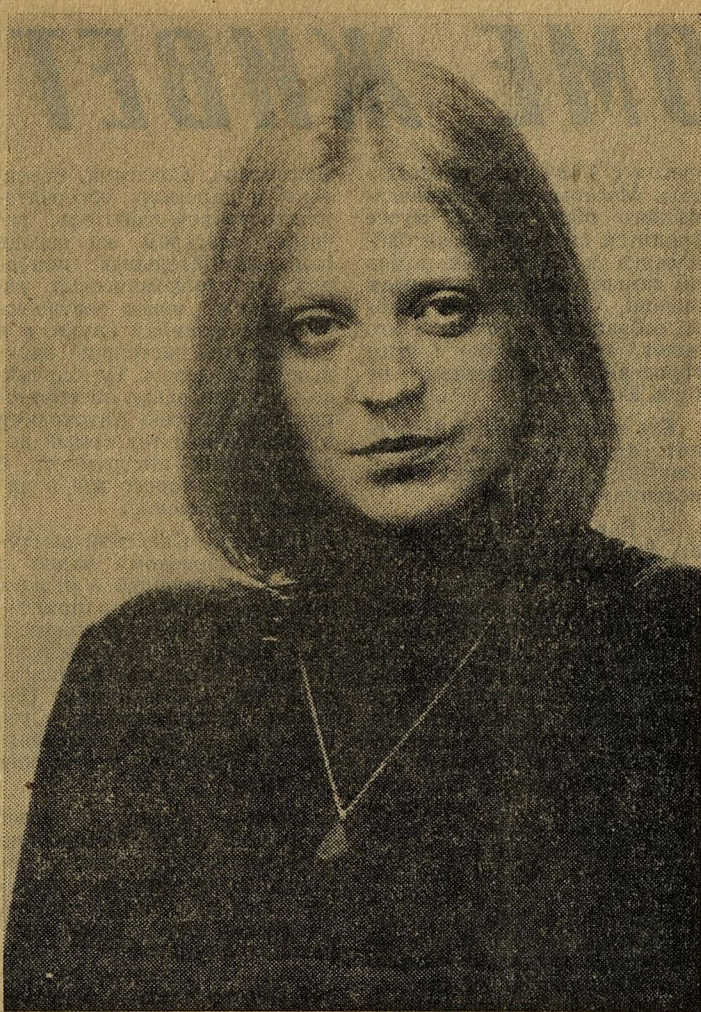

КАЖДУЮ весну идут, едут, летят молодые люди к подъездам театральных вузов и ВГИКа.

Так же летела из Кишинева, где окончила среднюю школу, и Светлана Крючкова. Летела в Москву поступать в Школу-студию МХАТа. В первый год не поступила. Пошла на Московский автозавод им. Лихачева работать слесарем на сборке. Следующей весной — уже на метро — снова приехала поступать и опять неудачно. Но она знала, что должна, может и имеет право стать актрисой. И с третьего раза поступила.

А дальше — все вроде бы безоблачно, удачливо и счастливо. Знаменитое училище, прекрасные педагоги. Еще студенткой получила Светлана приглашение на серьезную работу в кино. Запомнилась ее Нелли в «Большой перемене» А. Коренева. После училища сразу взяли во МХАТ, и снова приглашения в кино. А переехав в Ленинград, поступила в труппу прославленного Ленинградского академического Большого драматического театра им. М. Горького, к Товстоногову, и снова роли на сцене и на экране... Многим запомнились ее работы в кинофильмах «Премия», «Вторая весна», «Не может быть», «Пани Мария», в телевизионных лентах «Старший сын» и «Безымянная звезда». В общем, удачливая, счастливая актерская судьба. Знаменитый театр, прекрасные партнеры, первоклассная режиссура, в кино приглашают наперебой. И если при таком количестве работ за неполных семь лет не все равноценно, то все равно мнение общее — и критики в том числе — удач подавляющее большинство. А то немногое, что не совсем удачно?..

У Пушкина в стихотворении «Поэту» есть слова о том, как следует автору оценивать свой труд: «Ты им доволен ли, взыскательный художник? Доволен? Так пускай толпа его бранит...» К сожалению, часто совет гения интерпретируют так — уж коли толпа бранит, так художник имеет право быть довольным. А вот если хвалят и устно, и письменно, а самому не нравится, если сам не доволен? Это, видимо, и есть «твой высший суд». Светлана Крючкова искреннейшим образом из нескольких десятков своих ролей в кино и театре удачными считает четыре или пять, не больше. Приятно не обязательно главные. В картине И. Авербаха «Объяснение в любви» у нее эпизод маленький по протяженности. Но сделан он с такой снайперской точностью каждого проявления характера, что за ним, безусловно, видится и прошлое, и будущее этого персонажа со своей правдой и уверенностью в том, что она, эта ее правда, единственно имеющая право на существование. Кстати, здесь и кроется тот критерий, та точка отсчета, по которой Светлана Крючкова для себя измеряет успехи или неудачи своей работы. Если тебя можно заменить другой актрисой и она может эту же роль сыграть, значит, ты не нашла того единственного в этой роли, что сделает бы ее твоей, не сумела прочувствовать истоки всех проявлений именно этого персонажа, в этих обстоятельствах. Лишь когда для актера за рамками роли нет секретов в жизни героя, тогда эта работа уникальная, или, чтобы не так высокопарно, штучная. Можно, конечно, прожить и проще — занять одну, две маски или прически и ходить из пьесы в пьесу, из фильма в фильм: «А это моя индивидуальность такая. Вчера Отелло играл, сегодня — буровика. Как это, никакой разницы? Там я — черный на белом, а здесь — белый на черном!» Можно и так, но так проще и для себя дешевле, потому и уважения

люди искусства

ВАШ ВЫХОД, АКТРИСА!

Александр АДАБАШЬЯН

не вызывает. А тот путь, который сознательно выбран для себя Светланой Крючковой, в том, что она делает в профессии, требует иных затрат. И успехи, и неудачи на нем обходятся зачастую одинаково дорого. Тратить ведь приходится себя, играть из себя, из того запаса, багажа, что собран впрок и пополняется постоянно, уже помимо воли. Когда всякое общение, не всегда приятное, в ситуации трагической даже, — это невольно набулдование, краска, черта будущего характера. Такая работа требует человека целиком, постоянно, даже когда ни окружающие, ни сам он этого не подозревают.

Среди безусловных удач Светланы Крючковой роль Кунавиной в пьесе Островского «Волки и овцы». Очень трудно такую хрупкую и изменчивую вещь, как актерская работа в спектакле, описывать словами. Это сродни попытке описать музыку или стихи пересказать своими словами.

Единственно, о чем имеет смысл сказать в связи с этим спектаклем, это о том, что Светлана Крючкова обладает уникальной способностью быть замечательным партнером, ощущать сиюминутное состояние играющих рядом актеров и поддерживать импровизацию, не выходя из сцены и образа в ней, быть партнером всему, если можно так выразиться, спектаклю. Она отлично ощущает жанр, каков бы он ни был, не боится быть ни смешной, ни некрасивой. И что особенно ценно — это верное ощущение себя, своей роли и необходимого места ее в спектакле. Качество тем более ценное, так как слишком велик соблазн, особенно когда чувствуешь, что роль, как говорится, идет, взять на себя чуть побольше внимания, чуть добавить, и не беда, что заберешь себе часть общего успеха, вернее, добавишь себе из общего. А Светлана

Крючкова замечательно точно рассчитывает количество и место прекрасных находок в своей Кунавиной, занимая только ей отведенное место в спектакле. Не больше, но и не меньше. Кстати говоря, этой ролью актриса блистательно доказала, что могла бы прекрасно сыграть в музыкальном фильме или спектакле, настолько ярко пластически и музыкально выстроен внешний рисунок образа.

В картине В. Мельникова «Женитьба» Светлана Крючкова играет Агафью Тихоновну, купеческую дочку, которую наконец-то убедили в том, что ее мечта — выйти замуж. И опять нельзя рассматривать работу актрисы отдельно от всего ансамбля картины. Она, эта Агафья Тихоновна, поразительно неподвижна. Гоголевские персонажи вообще одержимо перемещаются в пространстве: на извозчиках, в бричках, колясках, пешком, бегом, сталкиваясь, разбегаясь, догоняя или удирая. Тем поразительнее увиденный актрисой характер неподвижности ее героини. Если движение всех остальных героев в основном по горизонтали, то в ней — по вертикали. Как по стелю, снизу вверх поднимаются в ней разбухшие жизненные токи, заставляя распрямляться, поднимать голову, открывать глаза. И если смотрит она сначала просто с любопытством, то потом с надеждой на что-то такое небывалое, чему и названия в ее лексиконе нет. И если история этой женитьбы для прочих действовавших в ней лиц — эпизод, кому смешной, кому досадный, но эпизод в кругу суесть, то для Агафьи Тихоновны — трагедия, крушение и потрясение глубокое. Впервые в жизни душа ее — пусть не яркая, не богатая, но живая душа — проснулась, чем-то живым осветилась было и, оскорбленная вновь, погасла. Может быть, с тем, чтобы не

проснуться в этом человеке никогда больше.

Светлана Крючкова постоянна и неизменна в своей любви к персонажам, каковы бы они ни были. Актриса обязана своих героев любить и понимать, только тогда работа может быть достоверна и серьезна. Судить — не его дело, его дело на суд вынести.

Естественно и, значит, хорошо, когда актер в жизни непохож на своих персонажей. Но Светлана Крючкова непохожа и на себя. Первое впечатление от общения с ней — в работе ли, за пределами этой работы — совсем иное, нежели в результате более протяженного во времени знакомства и заинтересованного наблюдения. Вообще встреча со всякой неординарной личностью сложна необходимостью перешагнуть через привычное — «как это может быть хорошо то, что так на меня непохоже?» И нужно некоторое усилие, чтобы понять и принять Светлану Крючкову такой, какова она есть, а не кажется, чтобы искренность не спутать с резкостью, уверенность в себе — с самовлюбленностью, а насущную потребность быть кем-то — с желанием чем-то казаться. Но если в быту столкновение со всякой незаурядностью прежде всего настораживает, то на сцене эта же незаурядность желанна и ожидаема. Оттого, наверное, проще бывает установить контакт с целым залом, нежели добиться понимания одного-единственного человека.

В одном южном городе, где Светлана Крючкова была на съемках, ее пригласили выступить в заводском клубе, сказав, что клуб небольшой, но люди, там собравшиеся, очень этой встрече ждут. И только придя туда, она увидела, что клуб этот, действительно небольшой, при фабрике, где работают в основном люди с ослабленным зрением, есть и совсем слепые, кино для большинства из них — абстрактное понятие, но возможность встречи с актрисой, о которой они знали и слышали, для них редкая, почти недоступная роскошь. И почти два часа, без перерыва, Светлана рассказывала им о том, что они хотели бы видеть. Она читала стихи, которых знает множество, пела песни без сопровождения, рассказывала, снова читала и пела. Из всего арсенала актерских выразительных средств на этот вечер остался для нее только голос перед тихим этим залом, перед людьми, которым — кому судьба, кому природа — из связей с миром ее искусства оставили только слух. Но она видела, с какими лицами подходили потом благодарить ее, как старались прикоснуться к руке, как слушали.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, и нам сочувствие дается, как нам дается благодать». Этих стихов она в тот вечер не читала, хотя наверняка их знала.

...Здесь ничего не сказано о тех, кому Светлана Крючкова многим обязана, — о режиссерах, с которыми работала, актерах, с которыми играла и у которых училась. Но, во-первых, как уже отмечалось вначале, актер ярче всего выражает результат общей работы. А во-вторых, у Светланы Крючковой останется и ума, и доброты ценить и быть благодарной всем, кому обязана успехом своим в совместной работе.

А пока... Пока в ожидании. Актриса — новой роли, такой, какой еще не играла и потому интересной. А все те, кто к ее работе неравнодушен, тоже ждут. Как в театре — зрители уже сидят в зале, на сцене стоят уже сидят, кому как положено, актеры, и осталось только подняться занавесу...

● Артистка театра и кино
Светлана Крючкова.

Фото Н. Гнисюка.